

ДРУГИЕ ЛИЦА

В последние десятилетия Александринский театр если не покорил, то удивил всех без исключения своим ренессансом. Воля к эксперименту — сначала формальному, а потом и тотальному — стала главным принципом существования этого коллектива в 90-х годах. Стоило одному из режиссеров проявить маломальский профессионализм и оригинальность — он сразу же получал приглашение пошатнуть спектакль в Александринку. Апофеозом этого периода стали спектакли Анатолия Праудина «Маска Жорж» и «Горе от ума», напомивавшие о блестящей театральности и предельном драматизме легендарных меерхольдовских постановок. Рекордно возрос и критический интерес: двести статей в 99-м году против двух — в 80-м. О проблемах Александринского театра как единого творческого организма мы и побеседовали с единственным лидером сегодняшней Александринки ее директором Георгием Сацэнко.

Георгий Сацэнко

Александринка на пороге нового тысячелетия

— Доволен ли театр уходящим годом? Ведь были гастроли в Москве на сцене Малого театра, четыре самые престижные премии «Золотой софит» за спектакли «P.S.» — Гран-при, «лучшая режиссерская работа», «лучшая работа художника», «лучший актерский дуэт». И, наконец, телеграмма премьер-министра Путина, лично поздравившего театр с 80-летием присвоения ему звания академического...

— Прибавьте гастроли в Лос-Анджелесе и в Костроме, участие в двух всероссийских фестивалях — в Ростове-на-Дону и Орле, наконец, завершение большой работы — выпуск пушкинской «Бориса Годунова», которым мы в мае открыли международный форум, посвященный 200-летию нашего национального гения, а в Москве — еще и заключительный Всероссийский пушкинский фестиваль. Вероятно, девяносто третий год можно признать для Александринского — пушкинскому удачным... или успешным. Вообще поездка в Москву после более чем двадцатилетнего (!) перерыва вызвала у всех чувство особой ответственности и даже азарта. Безусловно, и гастроли прославленного Малого театра на нашей сцене украсили культурную жизнь Петербурга, укрепили связи двух старейших русских театров.

Но... все это уже за чертой, отделяющей прошлое, пусть и приятное, от неизвестного будущего с его новыми непростыми проблемами. Я давно усвоил, как опасно расслабляться, останавливаясь на чем-то достигнутом в труппе и, руководству театром, как велики остроты некоторых «абсолютов» в искусстве. Например, понятие «лучший спектакль». Заметка, посвящая себе высказав давнее сомнение в точности или справедливости подобного определения в год, когда Гран-при за лучший спектакль отдал нам. Известно, как порой недолговечна была судьба многих предшествующих «лучших». На недавнем международном фестивале в нашем городе таковым был признан совсем не лучший спектакль, потому что НАДО БЫЛО почитать за былые заслуги ЗНАМЕНИТОГО режиссера, назвавшего себя в интервью одной литературной газете «дрессировщиком артистов». На ум приходит старый одесский анекдот. Портной Рабинович видит, что его коллега на деревях своей мастерской прибил вывеску — «Лучший портной Одессы». Идет Рабинович удивленный и гордится другим вывескам — «Лучший портной Украины», «Лучший портной России», «Лучший портной мира...». Вернувшись домой, Рабинович сменял и свою вывеску на новую — «Лучший портной на этой улице».

— Осенью ваш театр начинает 245-й сезон. Как собираетесь отметить этот юбилей?

— Обычная творческая напряженная работа. Это будет очередной сезон, в котором театру предстоит решить серьезные творческие задачи вместе с организационно-финансовыми и другими хозяйственными проблемами — поддержание исторического здания на достойном уровне, продолжение строительства первой очереди малой сцены... Театр рассчитывает отметить только 250-летие в 2006 году.

Если коротко, то 250-летию юбилей задумывается не как серия поздравительных вечеров, банкетов, утомительных привествий и словословий, что все мы со скукой выйдем, частично выйдя. Вспомни, создание первой профессиональной русской труппы предпринимал в августе 1756 года, похоронив Петра I неповторимой в мировой практике государственной похоронкой в области театрального искусства. Наш — это юбилей отечественного государственного театра вообще, поэтому будет хороший повод отметить эту дату в любом городе России, где есть государственного театр, повод привлечь внимание местных властей к насущным проблемам их драматического и музыкальных трупп. Министерство культуры поддерживает пред-

ложенную нами программу развития российского театрального искусства и восстановления единого театрального пространства России.

В новом году, как и в последующих, главное — творчество. В Александринском театре центральной фигурой был и остается актер. Этот принцип — в основе партнерских отношений с приглашенными режиссерами. Я надеюсь на нашу договоренность о работе с Петром Фоменко, Геннадием Тростянцом и Валерием Фоном. Продолжаются переговоры с молодыми постановщиками Андреем Могучим, Игорем Салиным, Романом Смирновым. Возможно сотрудничество с Александром Белкинским, Ростиславом Горевым, Анатолием Праудиным. Должны что-то предложить и наши штатные режиссеры.

Огорчительно, что сегодня довольно трудно найти достойную современную пьесу, так что репертурные наши интересы в основном сосредоточены на отечественной и западной классике.

— У вас по-прежнему не будет главного режиссера?

— Вы затрагиваете очень важный вопрос — управление театром на рубеже веков. Раньше все было просто: существовал главный режиссер и какой-нибудь директор. Последний должен был соответствовать расхожему правилу «прислуга за все отвечает, иначе его...». Главные ставил спектакли, а очередные смена «надежного прошлого».

Не редкость сейчас театры, которые опаздывали к этой типовой штатной должности, искусственно навязанной тоталитарным режимом. Я горжусь знакомством с некоторыми главными режиссерами, которые на самом деле являются ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ своих театров: имеют СВОЮ художественную программу, умеют не только увлечь за собой труппу, но и сотрудничать с артистами творчески, а не путем «дрессировки». Но где взять на четыре сотни театров этот штучный товар?

Сейчас появились художественные руководители не из режиссерской среды. С глубоким уважением отношусь к Кириллу Юрьевичу Лаврову, который в трудный для театра момент принял на себя ношу художественного руководителя и достойно несет ее уже немало лет.

Есть другие управленческие схемы, обеспечивающие нормальную жизнь театра. Похоже, что они стали возникать не из типовых штатных расписаний, а в зависимости от конкретных личностей, приходящих к руководству, от их умения, характера, темперамента.

Главный режиссер в Александринку ярид ли будет когда-нибудь приглашен, а что касается художественного руководителя, то, возможно, будущей осенью я смогу предложить труппе и министерству кандидатуру.

— Каковы перспективы финансирования театра на этот год?

— Очень хочется верить, что самые тяжелые четыре-пять лет позади. На приеме, который устроил нашей труппе в Москве министр культуры России Владимир Егоров в честь успешных гастролей, он сообщил об увеличении финансирования театров. Конечно, эти цифры еще далеки от идеальных, но впервые позволяют представить год в целом и понять, сколько театру необходимо найти денег самому. В последние годы наш театр, например, провел три международных конкурса Майя Плисецкой, вечера Нины Ананашвили и Андреса Липсы, а также фильм «Визит ИЕ» — летние балетные сезоны. Мы дали возможность выступить на прославленной александринской сцене коллективам, не имеющим своей крещи, — труппам Аскольда Макарова, Бориса Эйфмана, Валерия Михайловского, Владимира Подгоринского, Юрия Александрова и других. Сегодня жизнь заставила многие театры находить законные способы дополнительных

заработков. Я не вижу в этом ничего зазорного и надеюсь, что это умение театров будет поощряться государством. Надо только не допустить, чтобы необходимые доходы творческих организаций отбирались финансовыми органами. Министрство культуры должно надежно решить этот вопрос в правительстве и лоббировать в Государственной думе проект нового закона о театре.

— В ряду других, не имеющих своих зданий, коллективов вы упомянули труппу Бориса Эйфмана. Уже длительное время в прессе, по телевидению он слышится на то, что мало выступает в Петербурге, так как — где-то и чуть ли не обитает в этом Александринку.

— Уже два года в интервью, в различных высказываниях, в письмах в высокие инстанции Эйфман претендует на то, чтобы стать вторым владельцем здания Александринского театра. В этих заявлениях искажаются факты, высказываются неуважение к нашему театру, который годами принимал его коллектив, помог в выпуске минимуму двух премьер и в проведении ряда юбилеев. Вообще можно ли себе представить, что не имеющие десятилетиями постоянной сцены выдающиеся коллективы Божара или Кастиной — Васильева стали претендовать, скажем, на сцену «Комеди Франсез» или Малого театра? Кстати, вице-губернатор председатель комитета по культуре Владимир Яковлев не так давно сказал в интервью: «Ни Морис Божар, ни Роллан Пети, ни большая часть хореографических трупп в мире не имеют постоянного здания для выступления, большинство балетных трупп — гастролирующие коллективы, это нормально».

— А как вы относитесь к театральной критике?

— На это вопрос трудно ответить так, чтобы не вызвать сомнения в правдивости своих слов. Расскажу вам один случай из собственной практики. Несколько лет назад читал и перечитываю в известной газете большую остроумную статью о родном театре. Переживаю! А кому понравится? Но... статья-то умная, конструктивная, не злобная, а справедливая. На следующий день разговаривал автором и предлагаю встречу. Так была создана научно-литературная часть нашего театра, и автор упомянутой статьи — видный театровед и публицист Евгений Калмановский — стал ее первым руководителем в ранге заместителя директора. После безвременной кончины Калмановского этот «резервный» важный для театра участок возглавил Александр Четуров, человек высокой квалификации и эрудиции.

В нашем театре неизбежно правило: любая публикация (приятная или неприятная или вообще непонятно какая) вывешивается на всеобщее обозрение. Вот уже три года в январе на художественном совете мы заслушиваем обзор всей критической печати о театре за год. То есть отношение к критике — не теоретическое, а практически-серьезное, прагматичное, без лишних эмоций. В прошлом году Александринка была инициатором специальной конференции «Театр и критика», посвященной 90-летию со дня рождения одного из корифеев ленинградской театральной критики Сергея Цимбала. Он был острым и полемичным критиком и при этом — человеком театра, бесконечно любящим и уважающим работу деятелей сцены. Это чувствовалось в каждой его строке. Именно таким человеком театр был и недавно увидевший из жизни молодой критик и журналист Леонид Попов, с которым и задумывалось это интервью. Театр и театральная критика обречены дополнять друг друга как составляющие единого целого — театрального процесса. Доследним исключением являются ангажированные и непрофессиональные пустая критика или измышляющая себя театральные коллективы. Таков мой ответ.

Подготовила
Жанна ЗАРЦКАЯ